

Поздравляем друга нашей газеты, ветерана войны Фёдора Ефремовича Штыкало с Днём Победы! Предлагаем вниманию читателей отрывок из автобиографической книги Фёдора Ефремовича "Исповедь заместителя министра".

МНЕ В КУЗНИЦУ, где я работал, хуторская почталыонша принесла похоронку о гибели 10 июля 1943 года на Курской дуге моего старшего брата Василия. Я спрятал похоронку в карман рубашки и попорочался со своим наставником Матвеем Данилычем, сказав, что больше не приду. В начале сентября я ушёл из дома мстить за погибшего брата.

Со мной согласились идти пять парней-подростков 13–15 лет, у которых погибли отцы или братья. Задумка была — идти как бы на рыбалку в 5 утра. Ни у кого из пацанов не было в мешках ни краюшки хлеба. Шли ведь на рыбалку. В Кумылге нас обнаружили, и всех ребят мамы вернули домой.

Остался я один и пошёл дальше. Не помню уже, от усталости или голода, я лёг на обочину дороги и уснул. Меня разбудил пожилой лейтенант, который сопровождал полевую кухню. Лейтенант приказал довезти меня до командира полка: "Пусть он и решает, как поступить". Командир полка распорядился: "Проверить на вши, обмыть, одеть, обусть и зачислить сыном полка к таким же ребятам". "Старшина, сколько у нас их?" "Уже девять", — ответил тот. "Ну и хорошо, — сказал молодой подполковник. — скоро наступаем. Придумай для них работу". "Придумаю, товарищ подполковник. Разрешите исполнять?" — "Исполняйте". Старшина придумал: нам попластунски пришлось из окопов доставлять к "сорокопятам" по два снаряда, привязанных на спине солдатским ремнём. Мы быстро усвоили "придумку" старшины, и всё у нас получилось. А дальше была и другая настоящая боевая работа.

Наш артиллерийский полк и другие части уже после Сталинграда наступали и отвоевывали у немцев территории, занимая наши прежние оборонительные окопы 1941–1942 годов. Когда мы доставляли к пушкам снаряды, с той стороны шли частые артобстрелы. Старшина велел нам пережидать, затем давал команду: "Можно, но если будет стрельба — ложитесь или залезайте в воронки от взрывов немецких снарядов. Во второй раз туда снаряд не попадёт". Но не всегда так получалось. Однажды в окоп не вер-

нулся Стёпка (Степан), и нам не сказали, где он. Только на второй день старшина ответил, закрыв глаза: "Наверное, убьёт". Это прозвучало, как "домой".

В один из дней солдаты нашего полка захватили свой окоп, в котором раньше были немцы. В окопе валялось много консервных банок, поэтому было неудобно ходить, и всё стали выбрасывать из окопа. В офицерском блиндаже было много пустых пачек от сигарет. Курить хотелось. Старшина выдал нам на три закрутки "махры" каждому курящему и страничку газеты — названия не помню. Бумага была тонкой и хорошо закручивалась.

Наступило затишье, и мы все вместе с солдатами ушли по правой стороне окопа, оставив проход командирам.

Вдруг разразилась чёрная гроза, проливной дождь лил всю ночь до утра. Мы в наших окопах, так же как и немцы, были по шею в воде. Рано утром немцы стали выглядывать из окопов и стрелять из автоматов по нам.

Солдаты вычерпывали касками воду из окопов, и мы, уже когда стало светло, были в воде

Когда я писал эти строчки, вдруг вспомнил мой разговор в перерыве заседания Президиума ЦК ДОСААФ СССР с генералом Одиновцовым, у которого всегда на мундире был орден В.И. Ленина. Я как-то неуклюже спросил у него: "Как в годы войны — и вдруг орден Ленина?" Не буду воспроизводить его объяснение. Но он совершил такой подвиг, который заслуживал не только этого ордена. Главное, что меня поразило, какой же всё-таки истинно русский, героический был человек, наверное, как один из трёх богатырей.

В эти дни боевой старшина приказал вещевому старшине (сержанту): "Всех "пацанов" с помощью портного солдата Каширского переодеть в нормальные рубашки и штаны, подобрать сапоги 40–41 размера, чтобы не наматывать им на ноги по три портянки. Бушлаты найди малого размера, уже ноябрь, холодно, не вздумай пришивать солдатские погоны — это трибунал!", — никто из нас не знал в то время, что Гитлер уже начал мобилизацию подростков нашего возраста. Поэтому и к нам поступил приказ командования. "Понял, друг? Я не прошу тебя, а приказываю, понял?"

Был у нас ещё и "пищевой" старшина (лейтенант), но он всегда знал, чем нас кормить, и наш

Дошла очередь на операцию и до меня. Когда я уже лежал на столе, хирург приказал двум сёстрам: "Вынимайте все жестяные осколки с лица и левой ноги, из груди я удалю сам. А ты, Соня, держи его за ноги, да покрепче, сейчас займёмся левой рукой. Это без наркоза будет сложновато. Никитич, сделай парню граммов сто водки, исполняй. Соня, держи ноги, приступаем". Залили мне в рот эту дозу разведённого спирта, и я находился в дрёме, когда хирург работал с тканью руки. А когда перешёл к ампутации фаланг, я уже не выдержал. Левую ногу сестра не удержала, и я непроизвольно саданул в живот хирурга, который сам был на протезах. Он успел отрезать мне косточки на пальцах, но у него упали на пол очки и треснули. Я помню, как он выругался матом и сказал хирургической сестре: "Зашивай так, чтобы он мог двумя оставшимися пальцами хоть что-то делать".

На результат той давней операции я не сетую, левой рукой и двумя оставшимися на ней пальцами я много практической работы сделал.

Разумеется, в полевых госпиталях раненых не задерживают. Их отправляют в стационарные — поближе, если это возможно, к месту жительства родственников. Вот

Я всё слышал и хотел написать в блокноте: "Спасибо, доктор". Но он меня опередил: "Ну, будь здоров, крепши. Я тебя понял. Больше спи и ни о чём плохом не думай. Думай, чем будешь заниматься после госпиталя".

Поскольку я не мог говорить, мне дали блокнот, и я писал на нём ответы врачам и соседям. Старый профессор из Михайловки объяснил это моё состояние тем фактом, что после вынужденного плавания в холодной ноябрьской воде, при большой потере крови произошло заражение, от которого выживает один из тысячи. "Парню повезло, — сказал начальник госпиталя, — его молодой организм победил, будем надеяться, что он вскоре и заговорит. Как это произойдёт, тогда и будем искать родственников. А пока за ним глаз да глаз. Вы поняли, доктор и сёстры? Это уникальный случай. Запишите всё в документах о болезни. Мы должны, обязаны вернуть парня к его прежней жизни здоровым". Я всё слышал, но говорить не мог. Это длилось целый месяц, но уже к концу декабря я стал произносить отдельные слова, а затем и заговорил.

За почти месяц моего молчания в палате № 8 произошло много разных событий. Были и трагические: скончался мой сосед, который лежал слева от моей койки. У него были ампутированы две ноги до колен и правая рука. Через несколько дней умер командир батальона, просто так — уснул и не проснулся, сердце остановилось. Но были и радостные минуты, когда нас поздравляли школьники с Новым годом и дарили свои рисунки на листках из тетрадей. Всех поздравлял и главврач госпиталя со свитой врачей и сотрудников. Всем пациентам предложили по стопочке. Всё это сохранилось в моей памяти до мелочей.

В ПЕРВЫХ числах января 1944 года начальник госпиталя объявил: наш госпиталь заканчивает свою работу, и мы переезжаем во фронтową зону. Всех выздоровевших отправляем домой по месту жительства. Ещё не оправившихся отвезут в ближайшие госпитали. На второй день после этого решения в Кумылгу приехала моя мама вместе с неизменным председателем колхоза "Тихий Дон".

Днём шли на запад составы с военным снаряжением: везли с Урала и Сибири танки, пушки,

снаряды и продовольствие. Нам, кстати, тоже на одной из станций предложили борщ из котла и по котлетке. Наш чугунок с варёной картошкой был уже пуст, и мама показала его, сообщив, что нас трое. На третий день вагоновожатый сообщил всем эвакуированным о том, что мы прибыли на станцию Андреевка и здесь будем стоять долго. Далее пути и станции после оккупации ещё не были готовы для движения гражданских поездов. Было велено никуда из вагонов не отлучаться до переписи.

В АКИМОВКЕ мама оставила нас с мешками на "перроне", а сама пошла искать экспедитора совхоза. Вскоре он с мамой подъехал на бричке с одной упряжкой. Мы быстро погрузились и приехали в какой-то двор с сараем. Экспедитор предложил нам снять всю одежду и сжечь, чтобы избавиться от вшей. Вначале он принёс нам крынку молока и по куску хлеба. "Больше пока не надо, — сказал он, — поешьте, а я пришлоу деда парикмахера стричь парней". Какой-то дед принёс бутылку керосина, банку золы печной, жёлтую глину в сумке и бутылку чёрного самодельного мыла. Дед разжёг костёр возле сарая и приказал: "Мать, идите в сарай, там уже есть горячая вода, одежду выбросьте мне к костру, а я займусь парнями". Якова он остриг наголо, а меня, по просьбе мамы, под "ёжик". После всех банальных процедур и переодевания в чужую мальчишескую одежду нас пригласили в дом. Маму приодели так нарядно в одежду сестры экспедитора, что мы её даже не узнали. Прожили мы в гостях в Акимовке целую неделю. Доброе, уважительное отношение к нашей семье бывшего директора совхоза я помню до сих пор. Люди, пережившие оккупацию, сохранили в душах своих самые сокровенные чувства сострадания и заботы друг к другу. И все эти объяснимые чувства сердец человеческих были сформированы за малые годы Советской власти. Отец был ещё где-то на западном фронте, и вестей от него не было, но все, кто работал с ним и помнил его, верили, что он вернётся. Вот почему за нами прислали из совхоза автомобиль-полторку, которых в громадном хозяйстве на тот период было только две машины. Вечная память всем людям, которые в те тяжёлые годы помогли нам выжить и жить дальше.

Памяти Володи Михайлова — прекрасного русского человека

— Письмо мне есть? — Вы, тагильцы, ну и ненасытный же народ! Вам хоть в день по письму, а просите. Вчера ведь было, — Хропов из роты связи уже раздал письма.

Ивану Волкову действительно вчера было письмо, но не из дома, а от товарища, с которым учились в ФЗУ. Тот, как исключительный специалист, получил бронь и писал Ивану, как завидует, что тот на фронте. Волков так, на всякий случай о письме спросил. А вдруг? — А тут тагильцев много нас? — у Ивана уже и надежда: а ну землячки? Да ещё из его района, поди? Вот бы хорошо!

— Много не много, а сколько есть — все жадные до писем. У нас в роте такой же вот — сумку рад из рук вырывать. Только почта пришла — он первый. Сам же связист. Понимать мог бы. Нет! Дай письмо! Вынь да положь! Хоть сам ему пиши, чтобы отстал.

— Как зовут? — письма нет, так хоть через почталыона земляка нашёл.

— Торопов, Михаил. Молод против меня. А всё равно — Михаил. С фамилией своей в точку попал — торопыливый, торопится всё, так Торопов и есть. А есть Рябов, Пётр. Чёрный, как воронье крыло, а захватил же себе фамилию! Видно, рябые были, из рябых сам. Ты вон рябой, а Волков. Тебе по фамилии надо бы в серую масть подгадывать. Не зря же фамилии давали. Или, может, охотники у вас в роду, на волков ходили? — связист не торопылил уходить. Письма раздал, можно говорить. Волков, растроганный вестью о земляке, куревом поделился.

— Может, и были. Но вот про дедов кузнецов знаю, а про волчатников — нет.

— Да на Урале как не кузнецам быть? Самые кузнецы, — Хропов, поначалу не очень обрадовавшийся такой обязанности связиста, как письма разносить, чуть ли не бабье дело-то, полюбил эту службу — очень душевно поговорить получается. А уж когда письма с доброй какой из дома вестью принесёшь, так столько улыбок, как здесь, и в тылу, поди, не видят. Вот он — точно не видел. И тебе приятно, что такая радость у людей. Это всё-таки

СЛУЖИЛИ ТРИ ТОВАРИЩА

Рассказ

не в тылу похоронки носить. Правда, и здесь, бывает, пишут: разбомбили, повесили, в Германию угнали. Но хороших вестей больше: не хотят родные своих фронтовиков огорчать, так обо всём хорошем подробно пишут. А солдаты доброй вестью обязательно поделаются, с почталыоном — уж обязательно.

Иван размечтался: Тороповы-то у них и в соседнем селе были. А уж по области, поди, и не сосчитать! Надо сходить к связистам. Да и если не из района, всё равно хорошо — земляк.

Медлить не стал, на другой день и отправился. А Торопов от почталыона узнал, что в пятой роте земляк, и сам хотел тоже того найти. Чем чёрт не шутит: а вдруг, если и не друг-приятель, то через кого-нибудь да и родня?

Ни одного общего знакомого не выискали, сколько ни перебирали! Но всё одно — радость. Да ещё то хорошо, что хотя Торопов с самого Тагила да и десятилетку кончил, но нос не задира! — у Волкова-то после семи классов только ФЗУ в родном Чекмене. Однако хорошо сошлись. Правда, двоюродную сестру Торопова Волков знал. Её все в области знали: в газетах писали "Ворошиловский стрелок — Надя Синельниковна". Сейчас — снайпер. Везёт землячку — героическая родня.

Но что уж совсем хорошо — командир второго взвода Алексей Михайлов тоже из челябинцев. Вот это да! Комсорг полка. Торопов не комсомолец, но надо вступить, получается? Да опять же неудобно, что земляк, и вроде как по близости просишься. Но почему нет? Это раньше нельзя было, стыдно даже — отступали. Какой тут комсомол? А сейчас уже можно. — Как я у тебя раньше не знал? — Волков просто родную душу встретил, Торопов — хороший парень. И как свободное время, затишье — обязательно к земляку.

— Я недавно прибыл. Год назад ещё в военкомате просился — ни в какую не беру! Жди, молод ещё. Пришлось. Год потерял! — Да, с тобой, Торопов, дело бы быстрее пошло, сейчас бы Гитлера уже в клетке по городам возили, — в разговор вступил Крымов, взрослый, под сорок лет, мужик. Как отец всем: опекает, советует, но и подшутить любит.

— Да чего его, собаку, возить? Горючее ещё на него тратить, воздух чадить. Шлёпнуть — и вся честь, — Торопову даже странно, что пожилой человек Егорыч, а как глупо рассуждает — Гитлера по родной земле катать.

— Ишь, сознательный какой, — продолжает подтрунивать Крымов. — Как эту собаку уловить, мы всем полком похода-тайствуем, чтобы тебе такую честь доверили — шлёпнуть. А ты себе славы набирай пока, чтобы уж по достоинству было. Чобы и медалей позвякивало, и прочее.

Да ну его, этого Крымова. Что ни скажешь — всё обсмеет, надо всем пошутит. Его за это и любят. И сам Торопов смеётся над его шутками. Но когда над той подсмеиваются, как вон сейчас захохотали, то не так весело. Над другими у Егорыча лучше получается подтрунивать. Это Михаил давно заметил.

Торопов с Волковым, как познакомились, любил ли где-то в сторонке, когда время есть, посидеть, поговорить, новости из дома пересказать. Один раз придумали: напишем домой, что вот на фронт люди подарки отправляют — носки, варежки вязанные, с Урала можно и грибы, ягоды сушёные прислать. Пусть земляки не им, Волкову с Тороповым, а просто в полк пришлют — всем.

Прислали. И из Тагила, и из Чекмена. Но в обоих письмах всё-таки земляки написали, мол, так и так, в вашем полку служит наш земляк, и вот мы посылаем вам по-

дарки. И комсорг Алексей Михайлов обоим бойцам благодарность вынес. Да и говорит: — Вы — хорошие бойцы и думаете о сослуживцах, проявляете инициативу. Горжусь, что у меня такие земляки: и те, что в тылу, и вот вы, мои фронтовые товарищи. И предлагаю вам подготовить политинформацию, как Урал помогает фронту в тылу и куёт нашу победу. Я считаю, что товарищи вас могут рекомендовать в комсомол.

Так обрадовался Михаил! И проситесь не пришлось, а сам комсорг предлагает. Худо-бедно, подготовили. Вовсю старались — газеты смотрели, письма из дома тоже подкашивали, как и что в тылу, и с Михайловым советовались, он много подсказал. Потом в полковую газету написали о шефской помощи тыла фронту. И даже фотограф в полк приехал, снял земляков втроём.

Когда Торопова в комсомол принимали, Волков в госпитале лежал. По глупости попал. Даже стыдно. Чуть в самое стреле не обвинили. Какой уж тут комсомол! Да ещё без глаза остался. А через полгода лейтенант Михайлов Алексей Яковлевич погиб смертью храбрых. Конечно, у войны свои планы, но Торопов-то всё-таки мечтал: вот закончится война, они с земляком вместе домой поедут, а дома встретят хороших девушек, женятся, и будут их жёны тоже дружить. А домой к Михайлову похоронка поехала и письмо Торопова: он писал родителям Алексея, какой хороший товарищ, строгий, но справедливый комсорг был их сын — лейтенант Алексей Яковлевич Михайлов.

Нет, семья есть семья, уж что-что, а память своих погибших надо чтить по-людски. А на этот раз они двумя семьями на шестые отправились. Младший сын, Денис, два года подряд в летний лагерь ездил: он моделированием увлеклся, и в этом лагере специализированные смены были. Там подружился с Санькой Даниловым, тот из Нижнего Тагила. Он хотя на год младше, но такой башковитый парень! А его как "ботаника" ребята задирали. Ну а Денис защищал. Когда смена кончилась, они хоть и разьехались, но постоянно общались. И вот как-то приехали Даниловы в Челябинск, Михайловы их в гости позвали. И те на три дня загостились. Да так подружился! На второй год в лагерную смену мальчишки уж чуть не как братья отправились. И двумя семьями и в походы ходили, и по реке сплавлялись, и на юг на машинах — караваном. А тут маму-бабушку Даниловых на операцию в Челябинске положили как раз на майские. Ну и решили: в Челябинск Даниловы приезжают, у Михайловых останавливаются, и все вместе — на шествие. Так и сделали. Да накануне засидели за столом — чуть не пропали.

Утром засобирались, Михайловы достали портрет двоюродного деду — погибшего брата отца: "Лейтенант Михайлов Алексей Яковлевич. 1918–1944, Н-ская часть". Старшие Даниловы смотрят на портрет и то ли смущены, то ли в недоумении. Портрет своего деду они в машине оставили. Вышли во двор, достают из багажника: "Торопов Михаил Иванович, рядовой, 1924–1983, Н-ская часть". И фотография. Но это не совсем портрет: на снимке было трое, а Даниловы тех двоих отрезали, групповой снимок портретом сделали, потому что это была единственная фронтовая фотография деду Ларисы Даниловой, в девичестве Тороповой. А лейтенант на фото, тот, что в центре, уж очень похож на Алексея Яковлевича. Открывают в смартфоне полную фотографию: трое, Алексей Михайлов в центре. Точно — он. У Михайловых такая фотография тоже есть, и на обратной стороне подпись: "Дорогим отцу, матери, брату Ивану. Привет с фронта. Я с земляками-челябинцами Михаилом Тороповым и Иваном Волковым. Ждите с победой".

Екатерина ГЛУШИК